

УДК 316.6:7.046

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МИФОПОРОЖДЕНИЯ В КЛЮЧЕВЫХ МИФОПОРОЖДАЮЩИХ КОНТЕКСТАХ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

С. Ю. Гуцол

*Національний технічний університет України
«Київський політехнічний інститут», Київ, Україна
svetlana_gucol@rambler.ru*

В статье приводятся результаты исследования психологических особенностей мифопорождения в социокультурных дискурсах современного общества. Расширены границы понимания психологических особенностей порождения и трансляции мифа в культуре. Выделены, как общие свойства мифопорождения, так и специфические аспекты протекания этого процесса в различных дискурсах. Проанализированы прикладные аспекты мифопорождения в институциональных и лично-ориентированных дискурсах. Показано, что дискурсы мифопорождения (практики конструирования (нео)мифологических нарративов) актуализируют мифологические составляющие сознания современного человека и, на их основе, становятся плодотворной средой, как для «мифологизации» сознания («прививания» определенных социально-идеологических конструктов), так и для продуцирования личностных текстов. Раскрыт потенциал лично-ориентированных дискурсов мифопорождения как среды реализации дискурсивных практик самопроектирования личности.

Ключевые слова: миф, мифопорождение, мифологический нарратив, институциональный дискурс мифопорождения, лично-ориентированный дискурс мифопорождения.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF MYTH ORIGIN IN MODERN SOCIAL AND CULTURAL DISCOURSE

S. Gutsol

*National Technical University of Ukraine
«Kyiv Polytechnic Institute», Kyiv, Ukraine
svetlana_gucol@rambler.ru*

The article represents the results of a study of psychological features of myth origin sociocultural discourses in contemporary society. Expanding the boundaries of understanding the psychological characteristics of the generation and transmission of myth in culture. Emphasized general properties of myth origin and specific aspects of this process in various discourses. Analyzed applied aspects of myth origin in institutional and person-oriented discourse. It is shown that the discourses of myth origin (construction practices of (neo) mythological narratives) actualize mythological components of modern human consciousness and, based on them, become productive environment for «mythologizing» of consciousness («grafting» of certain social and ideological constructs), and for production of personal texts. Unleash the potential of student-centered discourses of myth origin environment as implementation of discursive practices personality self-designing.

Keywords: myth, myth origin, mythological narrative, institutional discourse of myth origin, person-oriented discourse of myth origin.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Мифопорождение как многоуровневый процесс формирования и трансляции мифов и мифоподобных конструктов субъектами социального бытия перманентно циркулирует в социокультурной среде, состоящей из дискурсов, «включение» в которые обуславливает потенци-

альность возникновения и присвоения мифов [1]. Лавинообразное расширение сферы влияния массовых коммуникаций и появление новых типов дискурсов, эксплицитно и имплицитно влияющих на различные стороны жизнедеятельности человека, предопределяет возрастание научной рефлексии по отношению к дискурсам как мифопорождающим социокультурным контекстам. Целью данной статьи является анализ психологических особенностей мифопорождения в институциональных и личностно-ориентированных дискурсах.

РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРОБЛЕМЫ

К основным дискурсивным областям, составляющим дискурсивное пространство современной культуры, можно отнести: семью, СМК, возрастные, профессиональные и прочие социальные группы, политическую сферу, образование, моду, спорт, фольклор, литературу, искусство и пр. Протекание процессов мифопорождения внутри различных дискурсов, кроме общих социально-психологических закономерностей имеет свою выраженную специфику, для анализа которой мы считаем целесообразным воспользоваться классификацией В. И. Карасика, и объединить дискурсивные области мифопорождения в две группы: институциональные (статусно-ориентированные) и персональные (личностно-ориентированные) дискурсы.

Так, с точки зрения В. И. Карасика, в первом случае, говорящий выступает скорее как представитель определенного социального института, во втором – как личность во всем богатстве своего внутреннего мира [3].

Эта классификация, очевидно, носит условный характер, и такие дискурсивные области, как фольклор, литература, музыка, кинематограф и другие виды визуального искусства, которые мы в своем исследовании относим к личностно-ориентированным дискурсам мифопорождения, бесспорно содержат черты институциональности. А, в свою очередь, институциональные дискурсы (особенно, семейный, образовательный, психотерапевтический и пр.), воплощающие определенные системы индивидуальных и коллективных ценностей в различных социальных институтах, не могут ни обладать выраженной личностно-ориентированной направленностью. В. И. Карасик подчеркивает, что «противопоставление персонального и институционального дискурса – это исследовательский прием. В действительности мы достаточно редко сталкиваемся с абсолютно безличным общением.

Вместе с тем для каждого вида институционального дискурса характерна своя мера соотношения между статусным и личностным компонентами [3]. Очевидно, что и сам адресат институционального дискурса на разных его полюсах предстает в различных дискурсивных ролях: рефлексивного, ищущего, саморазвивающегося индивида и классического потребителя информации, определенная порция которой входит в его ежедневное меню наряду с кофе и сэндвичем.

Институциональному дискурсу объективно присущи такие системо-образующие признаки, как статусная квалифицированность его участников; локализованный хронотоп; конвенционально обусловленная в рамках данного социального института цель; ритуально зафиксированные ценности; интенционально «закрепленные» стратегии (последовательности речевых действий в типовых ситуациях); ограниченная номенклатура жанров и жестко обусловленный арсенал прецедентных феноменов (имен, высказываний, текстов и ситуаций) [5].

Теоретической базой понимания институционального дискурса, могут служить труды П. Бурдьё и М. Фуко, в которых дискурс артикулируется как властный ресурс, представляющий собой систему способов означивания, интерпретаций, оценок, позиционирования и идентификаций общественных субъектов, отношений и объектов реальности, которые закрепляются и легитимируются социальными институтами. М. Фуко рассматривает различные социальные институты и области знания как сферы подавления и дискурсивного контроля, надзора за соблюдением установленного порядка словоупотребления и порядка вещей [7].

П. Бурдьё определяет дискурс как габитус, генерирующий социальные практики и регулирующий оценочные восприятия. Дискурс им рассматривается как символический капитал, функционирующий в обществе, а социальные институты выступают источниками формирования определенной картины мира, которая легитимируется и навязывается людям. Социальные институты производят и транслируют дискурсы, в рамках которых ведется борьба за монополизированное осуществление легитимного символического насилия, за насаждение определенного способа мировосприятия. В процессе символического насилия, с точки зрения П. Бурдьё, реализуется еще одна важная функция – функция идеологической мобилизации [6].

В связи с этим, в современном обществе институциональные дискурсы часто называют «фабриками по производству мифов», «машинами по мифологизации массового сознания». Безусловно, было бы странно отрицать мощный ресурс, присущий институциональным дискурсам, при создании условий актуализации мифологических составляющих массового и индивидуального сознания и, на их основе, «прививания» определенных социально-идеологических

конструктов. Действительно, в садоводстве прививка является, пожалуй, одним из самых захватывающих технологических приемов, позволяющих из небольшого черенка или даже одной почки при наличии подвоя за короткое время вырастить необходимое вам растение.

Однако понимание мифопорождения как сугубо целенаправленного процесса фабрикации и «внедрения» в общественное сознание социальных мифов и различных мифогенных образований, как сугубо манипулятивных технологий искусственного мифоконструирования является чрезвычайно узким и не отражающим саму суть и многоаспектность этого процесса, а также всех возможных механизмов его воздействия на общественное сознание. Как уже отмечалось выше, под мифопорождением мы понимаем не отдельно взятый процесс создания стереотипов, ритуалов, культов, идеологий и технологий манипуляции массовым сознанием, а, прежде всего, процесс формирования смыслового поля культуры.

Анализ социально-психологических особенностей мифопорождения в различных институциональных дискурсах позволил выделить в них ряд общих свойств:

- актуализация различных архетипических составляющих опыта, наличие двухуровневой психологической структуры: базового инвариантного архетипического слоя и трансформов (благодаря которым осуществляется гипертрофия механизмов стереотипизации опыта);
- цикличность времени и пространства;
- нарушение причинно-следственной обусловленности фактов и событий;
- ритуальность процесса передачи опыта, передача опыта блоками, моделями;
- ориентация на коллективный опыт, сверхиндивидуальный характер, наличие сверхценностных категорий («высшей» точки зрения или «высшего» ритуально-мифологического сценария);
- императивность сообщения;
- выраженная коннотативность имени;
- гипертрофия механизмов символизации, обуславливающих высокий уровень идентификационного потенциала мифологического нарратива;
- наличие базовых общекультурных и социально-психологических оппозиций (жизнь / смерть, свои / чужие, верх / низ, дисциплина / спонтанность поведения, групповая идентичность / индивидуализм и пр.);
- высокий уровень эмоциональной насыщенности сообщений [1].

В процессе мифопорождения чрезвычайно важную роль играют личностно-ориентированные дискурсы, которые, согласно взглядам В.З. Демьянкова, представляют собой проявления «текста в его становлении перед мысленным взором интерпретатора» [2]. В результате такой интерпретации и реинтерпретации человек продуцирует личностные тексты, имеющие как ретроспективную, так и проспективную направленность. «Выстраивая личный нарратив, человек конструирует в собственном смысловом пространстве определенную иерархию жизненных смыслов, которые структурируют и упорядочивают ее индивидуальный жизненный опыт, а также выстраивает смысловую основу для построения жизненных и личностных проектов на основе интерпретации собственной личности, собственной жизни, а также окружающей социокультурной реальности» [8, 36].

Согласно концепции Н.В. Чепелевой, «самопроектирование предполагает наличие во внутреннем плане сознания некоего дискурсивного поля, постоянно пополняемого за счет приобретаемого опыта, обобщаемого на основании внутренних интенций личности и структурируемого под влиянием целей, мотивов, намерений человека» [9, 342] и реализуемого в процессе дискурсивных практик, актуализирующих резервы личностного развития. С ее точки зрения, основными видами дискурсивных практик являются практики интерпретации, понимания, трансформации Я-текста личности. А одним из механизмов понимания личного опыта, по мнению Н. В. Чепелевой, является мифологический механизм [9], выполняющий смыслообразующую функцию в жизни индивида и обладающий мощным потенциалом самопроектирования личности.

Исходя из вышесказанного, нам видится перспективным обратиться к богатейшим ресурсам литературы и искусства как к «золотому фонду» мифологических форм воплощений личностных проектов. Так, в качестве личностно-ориентированных дискурсов мифопорождения нами были рассмотрены эстетико-культурологические дискурсы, актуализирующие мифосознание современного человека и являющиеся плодотворной средой для реализации дискурсивных практик самопроектирования личности [1].

В контексте решения задачи психологической герменевтики по идентификации мифологической целостности в современной культуре актуальным является исследование эссеистического мышления [10]. Отчетливая выделенность авторского «Я» и общая культурная расщепленность обуславливают формирование в эссеистическом мышлении новой, сложной по своей

конфигурации, целостности, которая как познавательно-творческий феномен открывает широкие перспективы для самопроектирования личности в современной культуре.

Самопроектирование как выстраивание личностью собственной идентичности, основанное на присвоении заданных культурой стратегий и норм самоорганизации, изначально «запускается» направленностью мечты как прообраза цели (на прошлое и / или будущее) в интенциональных личностных переживаниях. Направленность мечты на прошлое обусловлена гносеологическим «преимуществом» мифа, заключающимся в целостности картины мира, которую он порождает (Н. А. Лукьянова, И. В. Мелик-Гайказян) [4], направленность на будущее – актуализирует его кенотипическую составляющую (М. Н. Эпштейн) [10].

Место мифа в процессе самопроектирования определяется его основными психологическими функциями, позволяющими в субъективном пространстве жизни личности создавать и удерживать целостность картины мира, задавать идеалы и образцы поведения, прерывать причинно-следственную обусловленность жизненных событий, снимать проблему мотивации и поиска смысла. Самоценность мифа выступает важным фактором проектирования, в свою очередь, обеспечивая самоценность самого проекта. В процессе самопроектирования миф, благодаря первичной символизации расширяющегося жизненного пространства, становится основой создания нового смыслового универсума личности.

В контексте нарративного самопроектирования проект может рассматриваться как сюжет возможной истории, в построении которого важную роль играют базовые сюжеты («бродячие сюжеты», «вечные типы», лейтмотивы, «вечные образы» и пр.) мировой литературы, имеющие мифологические корни. Опираясь на концепцию «литературно-ориентированного поведения» (О. Н. Турышева), описывающую поведение индивида, заимствующего модели и тактики из художественной литературы, можно выделить цитатное поведение как частный случай модификации универсального циклического археосюжета, «циклической сюжетобразующей модели», имеющей трех- или четырехчастную структуру и в генезисе восходящей к обряду инициации.

В контексте мифопорождения личностный проект можно рассматривать как произведение, которое «пишется» в повседневности поступками, имеющими символический подтекст и мифологизирующими (в культурологическом отношении) определенные поведенческие модели, характерные, прежде всего, для пороговых, поворотных, лиминальных, переходных периодов человеческой жизни, в которых под влиянием определенных условий «трансформирующийся» субъект совершает переход от одного, условно целостного, «завершенного» фрагмента жизненного пути, к другому – качественно новому (или, по крайней мере, так субъективно переживаемому) и неизбежно требующему приложения ощутимых внутренних усилий и личностный преодолений.

ВЫВОДЫ

Полученные результаты свидетельствуют о перспективности дифференцированного применения мифологического подхода к изучению различных социокультурных дискурсов, внутри которого дискурсы мифопорождения могут интерпретироваться как практики конструирования неомифологических нарративов, регулирующие социально-психологические аспекты поведения индивидов.

Применение подхода психологической герменевтики к исследованию дискурсов мифопорождения, показало, что актуализируя мифологические составляющие сознания современного человека, эти дискурсы являются плодотворной средой, как для «мифологизации» сознания («прививания» определенных социально-идеологических конструктов), так и для продуцирования личностных текстов. Личностно-ориентированные дискурсы мифопорождения являются условием и пространством реализации дискурсивных практик самопроектирования личности. Актуализация мифопоэтического сознания, воспроизводство мифологических структур в личностно-ориентированных эстетико-культурологических дискурсах создают возможности для экзистенциального взаимодействия, Встречи Человека с Миром и могут рассматриваться как основоположение дискурсивного знания как такового.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гуцол С. Ю. Мифопорождение как объект психологической рефлексии / С. Ю. Гуцол. – Житомир : Вид-во ЖДУ ім. І. Франка, 2014. – 340 с.
2. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка [Электронный ресурс] / В. З. Демьянков // Язык. Личность. Текст : Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ин-т

- славяноведения РАН ; отв. ред. В. Н. Топоров. – М. : Языки славянских культур, 2005. – С. 34–55. – Режим доступа : <http://www.infolex.ru/Textidis.html>
3. Карасик В. И. О типах дискурса [Электронный ресурс] / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5–20. – Режим доступа : <http://rus-lang.isu.ru/education/discipline/philology/disrurs/material/material2/>
 4. Лукьянова Н. А. Миф и утопия: две стороны мечты / Н. А. Лукьянова, О. Ю. Максименко, И. В. Мелик-Гайказян // Философия образования. – 2003. – № 6. – С. 124–129.
 5. Олешков М. Ю. Основные параметры модели профессиональной коммуникации (на примере дидактического дискурса) / М. Ю. Олешков // Социокультурные проблемы в образовании. Межвуз. сб. науч. трудов / Под ред. А. А. Вербицкого, Н. В. Жуковой. – М. : РИЦ МГОПУ им. М. А. Шолохова, 2006. – С. 62–71.
 6. Социоанализ Пьера Бурдьё // Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. – М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб : Алетейя, 2001. – 228 с.
 7. Фуко М. Порядок дискурса / М. Фуко // Воля к истине : по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет ; пер с франц. – М. : Касталь, 1996. – 448 с.
 8. Чепелева Н. В. Методологические основы исследования личности в контексте психологической герменевтики / Н. В. Чепелева // Личность и ее жизненный мир : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 20-летию факультета психологии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, 3–4 октября 2013 г.) / Под ред. Л. И. Дементий. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2013. – С. 34–39.
 9. Чепелева Н. В. Психологические механизмы понимания и интерпретации личного опыта / Н. В. Чепелева // Мова і культура (Науковий щорічний журнал). – Вип. 6. – Т. II. Психологія мови і культури. Мова і засоби масової комунікації. – К. : Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2003 – С. 25–33.
 10. Эпштейн М. Н. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX–XX веков / М. Н. Эпштейн. – М. : Советский писатель, 1988. – 416 с.

REFERENCES

1. Gutsol S. YU. (2014) Mifoporozhdeniye kak ob"yekt psikhologicheskoy refleksii. Zhitomir : Izd-vo ZHDU im. I. Franko.
2. Dem'yankov V. S. (2005) Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obydenno yazyka. YAzyk. Lichnost'. Tekst : Sb. st. k 70-letiyu T. M. Nikolayevoy. Moskva : YAzyki slavyanskikh kul'tur, 34–55. – Access mode : <http://www.infolex.ru/Textidis.html>
3. Karasik V. I. (2000) O tipakh diskursa. YAzykovaya lichnost': institutsional'nyye i personal'nyy diskurs: sb. nauch. tr. Volgograd : Peremena, 5–20. Access mode : <http://rus-lang.isu.ru/education/discipline/philology/disrurs/material/material2/>
4. Luk'yanova N. A., Maksimenko A. YU., Melik-Gaykazyan I. V. (2003) Mif i utopiya : dve storony mechty. Filosofiya obrazovaniya, 6, 124–129.
5. Oleshkov M. YU. (2006) Osnovnyye parametry modeli professional'noy kommunikatsii (na primere didakticheskogo diskursa). Sotsiokul'turnyye problemy v obrazovanii. – Moskva : RITS MGOPU im. M. A. Sholokhova, 62–71.
6. Sotsioanaliz P'yera Burd'ye (2001) Al'manakh Rossiysko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii Instituta sotsiologii Rossiyskoy Akademii nauk. – Moskva : Institut eksperimental'noy sotsiologii ; Sankt-Peterburg : Aleteyya.
7. Fuko M. (1996) Poryadok diskursa. Volya k istine : po tu storonu vlasti, znaniya i seksual'nosti. Raboty raznykh let. Moskva : Kastal', 1996.
8. Chepeleva N. V. (2013) Metodologicheskiye osnovy issledovaniya lichnosti v kontekste psikhologicheskoy germenevtiki. Lichnost' i yeye zhiznennyy mir : materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, posvyashchenoy 20-letiyu fakul'teta psikhologii OmGU im. F. M. Dostoyevskogo (Omsk, 3–4 oktyabrya 2013 g.) / Pod red. L. I. Dementiy. – Omsk : Izd-vo Om. gos. un-ta, 34–39.
9. Chepeleva N. V. (2003) Psikhologicheskiye mekhanizmy ponimaniya i interpretatsii lichnogo opyta. YAzyk i kul'tura (Nauchnyy yezhegodnyy zhurnal). Moskva : Izdatel'skiy Dom Dmitriya Burago, V. 6, T. II. Psikhologiya yazyka i kul'tury. YAzyk i sredstva massovoy kommunikatsii, 25–33.
10. Epshteyn M. N. (1988) Paradoksy novizny. V literaturnom razvitii XIX–XX vekov. Moskva : Sovetskiy pisatel'.

Стаття надійшла до редакції 17.11.2014 р.